
ФИЛОСОФИЯ

УДК 101

А.И. Бобков*Иркутский государственный университет**г. Иркутск, Россия.*iab71@inbox.ru***С.А. Гальцев****Восточно-Сибирский институт МВД России.**г. Иркутск, Россия.*gans1958@mail.ru

**ПРОЦЕСС «ОТБРАСЫВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ» В КОНТЕКСТЕ
ОСМЫСЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА
ДЕСУБЪЕКТИВАЦИИ ЭТНОСА**

[*Alexander I. Bobkov, Sergey A. Galtsev* Process of "rejection of the social subject of knowledge" in the context of judgment of the ideological mechanism of a desubjectivation of ethnos]

It is carried out the philosophical analysis of a phenomenon of the social subject of knowledge of the nature of ethnos. Based on the process judgment of "rejection of the social subject of knowledge" firstly offered by M.K. Petrov, authors suggest to define it as a basis of ideological process of a desubjectivation of ethnos. In this regard authors trace this process in various philosophical theories, in philosophy of life by J. Ortega-and-Gasset, philosophies of religious experience by I.A. Ilyin. Defining process of a desubjectivation of ethnos as need of total ideologization of scientific knowledge, authors define fight against it as updating of ethnic subjectivity in the conditions of modern societies. It is shown that the hope on universal laws of life of the nature, distorts understanding of uniqueness of informative activity of the social subject. The accentuation designated by M.K. Petrov on this uniqueness, gives other measurement of sociocultural polysubjectivity on the one hand and designates its presence at various aspects of spiritual activity including religious experience.

Key words: penetrating social subject, ethnic subjectivity, religious experience, ethnos, generation, globalization, ideology, culture.

Обсуждается весьма щекотливый вопрос для философского знания. Ответ на него, с одной стороны, может вернуть философии утраченные позиции, а с другой, подвергнуть сомнению расколдованный мир человечества с его западной «агиократией», если пользоваться терминологией П.И. Новгородцева.

Проблему, поставленную в названии статьи, можно обозначить как определяющую процессы борьбы между социокультурными субъектами за перераспределение сакрального и профанного пространства, человечности и бесчеловечности в оценке их познавательной деятельности. Борьба между манипулируемой массой объектом и коллективным субъектом приводит, по мнению Н.И. Яблоковой, к такому состоянию, когда «человек все больше подчиняется виртуальным образцам и соответственно снижается его самостоятельность, активность (субъектность) в решении своих и общих жизненных проблем» [5, с. 56].

Такое состояние вызвано тем, что социальные технологии глобализма по отношению к социальному субъекту насильственно революционны. Философия в таких условиях, с одной стороны, помогает крушить богов, а с другой, возвращается к глыбе мрамора, чтобы высечь их снова. Мы одновременно наблюдаем процессы, когда философиям уступает пространство культуры безбожному номаду глобализации. Он не представляет своих богов, а сокрушает своим вседозволенным могуществом храмы земледельца, грабя их и показывая, что недозволенное дозволено и безбожное могущественно, а с другой стороны, понимает, что мудрость открытая одиночке таилась где-то в самосознании этническом, которое выбрано было под воздействием нуминозного. Номад и теснит, и теснится. Понятия номадические и убеждают опровергать традицию, и опровергаются ею. Культурная травма глобализации, превратившая народ в объект, при ее преодолении вновь свидетельствует о его субъектном состоянии.

Иначе говоря, мы зачастую имеем дело с остывшим экзотическим объективным сконструированным этническим самосознанием – эрзацсамосознанием, где религия подменена квазирелигией, а народ массой. Этот феномен расколдовывания мира стал возможен в результате процесса, который М.К. Петров назвал «отбрасыванием субъекта социального познания» [4, с. 24]. Это отбрасывание стало возможным в силу того, что события истории конкретного этноса, где оно уже было осуществлено и показало свою травмирующую суть, переинтерпретированы. Заимствование чужих знаков и перекодирование собственной культуры, где не узнаваемы процессы нежелательные и процессы необходимые, стало отправной точкой иррационального познания. Преемственность поколений, столь важная в культуре, становится предметом коммуникации, ибо трансляция и трансмутация невозможна в силу того, что

необходимо установить, что осталось неприкосновенным. Ведь во всякой культуре есть моменты деления сакрального и профанного знания, абсолютного и относительного образа бытия, связанного с разными задачами культурного развития. При этом первое самобытно и самостоятельно добыто, а второе, скорее всего, приобретено у другой культуры.

Отношение к этому с позиции социальной науки несколько иное, чем с позиции философии. Социальная наука борется с самобытным абсолютном, заранее полагая его неистинность и наоборот, отдавая пальму первенства тем, кто просветился прежде нас. «Могущественное неприкосновенное» меняется местами с бесцеремонно разрушаемым. Разрушается то, что требовало сохранения и сохраняется то, что требует разрушения.

Социальный исследователь, относящийся к обществу как социальной материи, стремится к обоснованию собственной непричастности к культурным образцам своего этноса. Его инновация вполне допускает эксперимент по устранению традиций социального бытия той культуры, которая его воспитала в качестве познающего субъекта. Такое состояние объясняется тем, что во многих культурах европейская традиция научного исследования не приживается. Об этом писал М.К. Петров и об этом же размышлял К. Поппер. Оба они утверждали, что борьба с традицией бессмысленна. Она ведет к тому, что наука упускает многое в объяснении окружающего мира, потому что игнорирует опыт той культуры, в рамках которой она действует. Наряду с этим М.К. Петров указывал и на бессмысленность уравнивания достижений науки в рамках различных культур.

Социальное знание, стремясь к истине, зачастую помогает социальным субъектам продвинуться к власти и богатству путем помещения этноса в состояние подопытного объекта. Оно упускает те ситуации, когда этнос-субъект уже преодолевал это состояние. Его уже что-то не устраивало в этом мире, где вертикаль отношений между культурами была выстроена. Его отстающее положение, чреватое переоценкой ценностей и ведущее к самоубийству, ему уже было известно. Этнос не просто так наложил запреты на многие практики, те практики, которые наука, социальная наука в первую очередь стремится ввести. Главный удар этих форм деятельности направлен на адаптацию кем-то определенной структуре, якобы полученной тогда. Когда все человечество выстроилось линейно по ранжиру и движется в одном направлении.

Нам необходимо твердо усвоить, что этой картины мира длительное время не было. Вопрос о ее истинности не решен. Тем более не решен вопрос о ее справедливости. Но сопротивление этому ранжиру наблюдалось неоднократно и в первую очередь в религиозном опыте и в философии истории не западных народов уже после навязывания этой картины истории. Более того, нам следует осмелиться высказать предположение о том, что именно этому линейному ранжированию сопротивлялись неевропейские религиозные миры еще задолго до исторического пробуждения. Было бы еще справедливее отметить и то, что в самом европейском мире есть глубокое сопротивление ранжированию. Почему эта линейная картина чревата опасностью? Потому что она требует от пришедших позже некой жертвы. Смерти за некую идею. Идею догоняющего опережения. При этом не наука движет этим процессом, она оставлена в стороне также как и религиозный опыт, здесь правит идеология с ее бездумным реформированием. Ее трактовки социокультурного развития так уповают на универсальность структурных изменений, что ни о каком устойчивом развитии не ведется речи.

Расколдовывание этнического мира – это травма, в коей социальный субъект, в данном случае этнос находится в состоянии крысы, которой в область мозга, где находится центр удовольствия, вживлен электрод, и жмушкой на педаль, замыкающую электрическую цепь. Возбуждается центр удовольствия, а мозг разрушается, ведя к гибели. Удовольствие быть объектом, есть прямое указание на то, что культурная травма была нанесена как контакт того, что и природой и культурой не предусмотрено, но что так хочется совместить путем разрыва других связей, исключаящих это совмещение. Здесь уместно дать выдержку из М.К. Петрова, наиболее точно определившего это травмирующее состояние социального познания: «Иными словами, исследователь, пока он находится под гипнозом опытной науки, ищет за частным общее и устойчивое, отбрасывая все случайное, уникальное, отклоняющееся, короткоживущее как «несущественное», а затем уже из этого общего и устойчивого складывает целостную картину, которая, по его мнению, представляет предмет изучения «как он есть». Жертвой такого подхода оказывается и человек в его конечных определениях как монополярный смертный и недолговечный субъект социального познания. Он автоматически выпадает из результата исследования» [4, с. 24].

Вместе с человеком выпадает и созданное им культурное коллективное воображаемое сообщество этнос-субъект, способный вопреки логике разломать данную ему структуру, требующую культурного отречения путем навязывания существования якобы объективных законов социального развития. Как будто они есть и кем-то утверждены. Как будто мультипарадигмальность социального познания волнует только ученых. Вечность природы побеждает вечность человека, но куда влечет эта победа? Она влечет к полужнанию, что, как уже неоднократно выяснилось можно назвать идеологией, которая опасна более чем незнание. Вполне очевидно, что под воздействием идеологии человек готов действовать так, будто общество механизм, который можно починить. В общем, идеологическое состояние сознания поколения можно описать как неуязвимость пред социальным самоубийством. Неуязвимость не потому, что действия, ведущие к нему, искоренены, а потому что сама возможность такого исхода исключена. Это состояние очень удачно, по мнению С. Жижека, выразил К. Маркс. Оно кроется в его определении идеологии. С. Жижек замечает, что «Самым простым определением идеологии является, возможно, известное изречение из «Капитала» Маркса: «*Sie wissen das nicht, aber sie tun es*» – «Они не сознают этого, но они это делают» [1, с. 34]. Неосознанность культурного самоубийства есть важнейшая травма, о которой, к сожалению, не говорят. Можно сказать, что отброс проблемы социального самоубийства есть важнейший признак того, что идеология состоялась. Ведь в этой проблеме смыкаются религия, мифология и философия и репрезентируется их необходимость в объяснении социального бытия с позиции субъекта. Поэтому вполне уместным нам кажется вновь обращение к М.К. Петрову, утверждавшему, что представление социальной данности в форме объекта это исследовательский полупродукт, который «выделяет и в целостном виде представляет наличную «сумму обстоятельств» [4, с. 25].

И вот здесь следует отметить, что увлеченность этим полупродуктом ведет к тому, что идеология отсекает всякую возможность сопротивления инновациям механического характера. Можно сказать, что первоначально идеологического мифа кроется в императиве: «Все социальные изменения объективны и справедливы, а самое главное они навсегда. Возврат к истокам социального бытия невозможен».

Это в религии, мифологии и философии все возвращается, в лоне методологического актуализма все изменилось безвозвратно. Ведь четко отмечен М.К. Петровым тот факт, что «...актуализм отрицает за единичным, конечным, субъективным статус определителя социальных изменений. Жизнь данного поколения вводится в теоретическую картину как чистая бесструктурная возможность изменений – способность человека «адаптироваться к меняющимся условиям», а направление и состав изменений должны быть определены какой-то внешней человеку причиной того же объективного статуса, что и сама сумма обстоятельств» [4, с. 25]. Этим умозаключением объясняется многое в биографии самого М.К. Петрова и выявляется его полемика с теми, кто культурные традиции выводит за скобки.

Введение поколения в качестве субъекта и указание на его состояние подопытности в методологическом актуализме, есть важнейшее проблемное поле, несущее в себе и понимание необходимости связи там, где идеология ее запрещает, и понимание того, что этническое самосознание это встреча очевидной самобытности уходящего поколения и задачи продолжения ее самоактуализации самобытия будущего поколения. Более того, поколение предусматривает идею взаимной ответственности поколений за социальные изменения, детерминирующие культурную реальность. Вообще необходимо отметить, что понятие поколения в таком ракурсе весьма тесно связано с религиозным опытом и философией социального субъекта. Как отмечает Н.И. Яблокова, социальный субъект «выражает себя в деятельности, обеспечивающей его связи и взаимодействие с внешним миром» [5, с. 52].

Религия и философия отвечают на вопрос о социальном изменении иначе, чем идеология. И здесь важно, что М.К. Петров заметил в поколении то, что ранее выразил Х. Ортега-и-Гассет. Поколение, по его мнению, должно установить необходимость изменений через продолжение идей предков. Это предотвращает насилие разрушающее, но приводит к насилию учреждающему. Насильник узурпатор всегда утверждает свою уникальность через непригодность данной этнической общности к высказываемой ему новой, доселе неизвестной идеей. Он, используя имя пророка, пользуется логикой апокалиптики, для него прошлое кончилось, его необходимо забыть.

Учреждающее насилие пророка уповает на необходимость завершения идеи, высказанной задолго до него и уже обретенной. Смысл уже найден, ему

необходимо следовать через возвращение. Вот как резюмирует Х. Ортега-и-Гассет: «...огромные людские массы не принимают новой идеи, не загораются особым чувством не потому, что им их не проповедуют. Нужно, чтобы идеи чувства были у них уже сформированы, созрели, были им свойственны. Без этого глубокого, спонтанного предрасположения массы любой пророк останется пророком в пустыне» [3, с. 61–62].

Как это сопоставимо с умозаключением М.К. Петрова отмечавшего: «...любой индивид любого общества определен в своем качестве субъекта общественно необходимой деятельности прошлым, и это определение приходит к нему как опосредованное деятельностью воспитателей знание в виде типизированных программ решения столь типизированных задач» [4, с. 31].

Нетипичные задачи для этноса, если они не вырастают из его социокультурного развития, есть бесплодная травма. Он их решать не будет, ибо это требует разрыва социальной интеграции. Да и самое главное состоит в том, что эти задачи этносом уже решались и они не новы. Чтобы это установить, необходимо отбросить идею линейного развития истории, с одной стороны, и разделение социального и гуманитарного познания, с другой. Новизна и неизвестность этих задач для этноса догматизируются революционером, ибо без совершения акта этнического самоубийства его торжество невозможно. Для него история является учителем жизни, запрещающим социальные эксперименты, потому что знает им цену. «Революционером человек является лишь в той мере, в какой он неспособен чувствовать историю, воспринимать в прошлом и настоящем действие разума иного рода – разума жизненного, а не чистого» [3, с. 16]. В этом высказывании есть прямое указание на то, что делает любую идеологию безуспешной, а именно способность жизненного разума приводить к достижению снижения степени деструктивности социальных противоречий путем отказа от их полного искоренения. Социологический актуализм – это идея чистого разума, когда общество целиком определяется как социоприродная, а не как социокультурная реальность. Поэтому вполне очевидно, что утверждения М.К. Петрова не могли быть приняты теми, кто считал материализм тотальным и всемогущим учением, ведущим к оптимизации социального бытия.

Идеология революционна потому, что обещает решение социальных противоречий путем объективного содержания социальных законов. Она повто-

ряет уже пройденный путь в полном убеждении, что она нашла решение столь долго искомое. Если без полемики принять за аксиому утверждение Э. Дюркгейма о том, что «Бог – это общество», то идеология – это попытка сконструировать общество без религии путем введения идеолога-посредника. Не случайно С.Н. Булгаков написал работу «Карл Маркс как религиозный тип». Идеолог повторяет судьбу клирика. И тот и другой стремится разрушить связь религиозного опыта с этническим самосознанием, отбросить познающего социального субъекта. Получается, что клерикальная теология и богословие выступают предтечей идеологизированного (механистически-структурного) социального познания с его отбрасыванием познающего субъекта, как продолжателя традиции. Более того, клерикализм замещает идеологию, когда она дискредитирует себя. Отсюда указание И.А. Ильина на чистый разум в церкви, отмечавшего: «Церковь непрестанно озабоченная удалением людей от Бога подрывает свое собственное существование. Пресекая и воспрещая непосредственное обращение верующих к Богу, она лишает их всей той благодати, которая дается людям в этом непосредственном общении. В полном строгом смысле – она лишает их религии, обессиливает их свободное сердце и обескрыливает их самостоятельный дух» [2, с. 141].

Самостоятельный дух есть искомое этнического воспитания и самосознания. Этнос в нем не подражает и необходимые ему и приемлемые для него социальные изменения уникальны, самобытны и определяются жизненным разумом. Более того, они вскрывают свой продуманный характер и устанавливают связь там, где до этого определялся разрыв связи или констатировался факт ее отсутствия.

После революции 1917 и 1991 года русский народ восстановил многое там, где травма казалась необратимой. Можно заметить, что этнос-субъект начинается там, где он был остановлен в своем историческом развитии и путем культурной травмы превращен в объект. Сам механизм этого разрыва далеко не исследован, как не исследован и механизм создания культурной травмы самим этносом. Поэтому полагаем, что изучение наследия М.К. Петрова в данном проблемном поле сможет дать нам ответы на многие вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
2. *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта. М., 1993.
3. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? М., 1991.
4. *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991.
5. *Яблокова Н.И.* Социальный субъект в условиях глобализации // Гуманитарные и социальные науки 2012. № 3.

REFERENCES

1. *Zhizhek S.* Sublime Object of Ideology. M., 1999.
2. *Ilyin I.A.* Axioms of religious experience. M., 1993.
3. *Ortega-i-Gasset H.* What is philosophy? M., 1991.
4. *Petrov M.K.* Language, sign, culture. M., 1991.
5. *Yablokova N.I.* The social subject in the conditions of globalization // The Humanities and social sciences. 2012. No. 3.

8 октября 2017 г.